

М 14020

ИНСТИТУТ К.МАРКСА И Ф.ЭНГЕЛЬСА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОБДИНЯЙТЕСЬ!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

IV

1 9 2 7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

V-86

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА)

IV

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1927 * ЛЕНИНГРАД

*Дом Плеханова™
№ 274*

Г. В. ПЛЕХАНОВ

I

ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ К. МАРКСА ¹⁾

(РЕЧЬ)

Гражданки и граждане!

Ввиду ограниченности времени, предоставляемого сегодня ораторам, слишком смело, быть может, с моей стороны пытаться дать оценку тому, что сделано было Марксом в области философии и обществоведения. Я все же попытался это сделать, и тем хуже для меня, если я не справлюсь со своей задачей.

Философия Маркса является логическим и неизбежным выводом из философии Гегеля, — говорят нам часто те, кто пишет о происхождении современного социализма. — Это правда, но это еще не вся правда. Далеко не вся. Маркс наследовал Гегелю, как Юпитер Сатурну — низложив его с его трона. Появление материалистической философии Маркса — подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли. И чтобы оценить все значение этой революции, необходимо обратиться к материалистической философии XVIII века.

Материализму того времени, — этой смелой и воинствующей философии, — была почти совершенно чужда идея эволюции в природе и в человеческом обществе. Правда, один из наиболее выдающихся вождей материализма XVIII столетия, Дени Дидро, часто высказывал воззрения, которые сделали бы честь нашим современным эволюционистам. Но эти глубокие и яркие воззрения не были составной частью учения материалистов; они были исключениями и, как таковые, они могли только подтверждать общее правило. Я не могу входить в детали вопроса — и поэтому приведу вам только два примера.

Прочтите знаменитую книгу Гольбаха «Система природы» — и вы увидите, что самые трудные вопросы, на которые наталкивается автор, имеют отношение к зоологической эволюции человека и к геологической эволюции нашей планеты.

Второй пример я возьму из области морали. Почти все историки философии обвиняют материалистов XVIII столетия в том, что они проповедывали эгоизм. Это

¹⁾ Речь Г. В. Плеханова, «Les idées philosophiques et sociales de Karl Marx», была произнесена, как видно из ее текста, не позже 1897 года («Не прошло еще пятидесяти лет с той поры, как произнесены были великие слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). Но когда и где именно она была сказана — пока установить нет возможности за отсутствием соответствующих данных в архиве Плеханова. — Прим. ред.

большая ошибка. Для Гельвеция, Гольбаха и их друзей основой всей морали было общественное, а не личное благо. «*Salus populi—suprema lex*» (благо народа — высший закон), — говорил Гельвеций. Но в таком случае чем объясняется эта ошибка, столь распространенная в философском и литературном мире? Она объясняется указанным уже источником. Она объясняется тем, что философы-материалисты XVIII столетия не рассматривали мораль с эволюционной точки зрения. Только историческая эволюция может нам объяснить, каким образом общественное благо становится основой господствующей в данном обществе морали. Но эта эволюция чаще всего происходит незаметно для индивидуумов, которые следуют моральным требованиям своего общества или своего класса как правилам абсолютной морали, религиозной или метафизической. Не субъективный разум личности, а объективная логика общественных отношений диктует личности то или другое поведение. Не имея представления об эволюции, философы прошлого столетия могли пользоваться лишь тем, что они называли разумом.

Они пытались доказать, что даже с точки зрения личного интереса выгоднее предпочитать общественное благо. Нет ничего удивительного, что этот разум подчас имел вид человека, у которого превосходное сердце, внушающее самые благородные чувства, но рассудок которого в то же время никак не может выбраться из логического лабиринта индивидуалистического утилитаризма.

В первую половину нашего столетия мы присутствуем при полной реабилитации идеалистической философии. И слышать больше не хотят о материализме, — о нем отзываются с крайним презрением. Но если вы сравните идеалистическую философию XIX столетия с философией, предшествовавшей расцвету материализма в прошлом столетии, то вы увидите, что сильную сторону идеализма нашего века составляет именно идея эволюции, которую не признавали материалисты. Так поплатился материализм за свою ошибку!

Но и идеалистическая философия нашего века, со своей стороны, оказалась неспособной разрешить проблему эволюции. Логические законы эволюции идеи — тот что эта философия исследует каждый раз, когда нужно выяснить законы эволюции вселенной и рода человеческого. Но логические законы эволюции идеи ничего не объясняют нам в природе и в человеческом обществе. И идеалисты вынуждены были обратиться к земным фактам и законам, к фактам и законам природы, к фактам и законам социальной истории. Так, Гегель, величайший из идеалистов всех народов и всех времен, вынужден был искать в экономической эволюции объяснения исторических фактов, остававшихся непонятными с идеалистической точки зрения. Философия истории Гегеля является невольным и бессознательным признанием материализма.

С другой стороны, то, что идеалисты называли философией духа, *Philosophie des Geistes*, рушилось от затруднения, которые могут быть преодолены только физиологической психологией, наукой, — что бы ни говорили подчас люди, ею занимающиеся, — совершенно материалистической.

Таким-то путем, во второй половине нашего века, философия снова становится материалистической. Но материализм нашего времени обогащен всеми достижениями эволюционистской теории.

Вы, вероятно, знаете, какую роль играет идея эволюции в разных отраслях великой науки природоведения. Достаточно вам вспомнить имена Канта и Лапласа,

Ляйбеля и Дарвина. Но какое место занимает идея эволюции в области общественного ведения?

В настоящее время в социологической литературе много говорят, — и часто совсем неправильно, — об эволюции. Но недостаточно констатировать постоянное изменение общественных отношений, — нужно найти движущую силу этого изменения. Дарвин не ограничился констатированием изменения видов, — он показал, что причиной этого изменения является борьба за существование. Чем же обуславливается изменение общественных отношений? Каково происхождение различных видов общественного устройства?

Маркс доказал, что экономический строй человеческого общества является основой, эволюцией которой объясняются все другие стороны общественной эволюции. И в этом главная заслуга Маркса, более важная даже, чем то, что он дал в своем «Капитале» несокрушимую критику современного общества. Историческая теория нам впервые дала ключ к пониманию человеческой эволюции. От Маркса мы впервые получили материалистическую философию истории человечества.

«Мой диалектический метод, — говорит сам Маркс, — не только в основе своей отличается от гегелевского метода, но является даже его прямой противоположностью. Для Гегеля движение мысли, которую он олицетворяет под названием идеи, есть демиург действительности, каковая есть лишь форма проявления идеи. Для меня, наоборот, движение мысли есть лишь отображение реального движения, перенесенного и переработанного в мозгу человека».

«В своем мистическом виде диалектика стала модой в Германии, потому что она, казалось, восхваляла существующее положение вещей. В своем рационалистическом виде она представляется правящим классам и их доктринерам-идеологам скандалом и ужасом, потому что в свое позитивное понимание существующего положения вещей она включает в то же время понимание его неизбежного отрицания, его необходимого крушения; потому что, охватывая самое движение, всякая осуществленная форма которого есть лишь форма переходящая, она ни перед чем не преклоняется; потому что она по существу своему критична и революционна»¹⁾.

Социологи школы Дарвина много говорят о борьбе за существование, которую они желали бы увековечить. Школа Маркса не только не игнорирует эту борьбу, но объясняет ее возникновение и все фазисы ее исторического развития. Она показывает, что с тех пор, как человечество вышло из своего первобытного состояния, оно состоит из различных классов, антагонизм которых является главным двигателем общественной эволюции. В настоящее время мы присутствуем при ожесточенной

¹⁾ Плеханов цитирует это известное место из послесловия Маркса ко второму немецкому изданию I тома «Капитала» по французскому переводу, который был проредактирован и даже переработан самим Марксом и который, как говорит Маркс, «имеет, по сравнению с оригиналом, самостоятельную научную ценность», так как в нем «упрощено изложение одних мест, дополнено изложение других, приводятся дополнительные исторические и статистические данные, прибавлены критические замечания» и пр. В частности, по поводу цитируемого здесь места Маркс говорит: «Ниже я даю те места из послесловия ко второму немецкому изданию, которые касаются развития политической экономии в Германии и примененного в предлагаемом труде метода».

Приведенная в тексте цитата является, следовательно, вариантом, принадлежащим перу самого Маркса. — Прим. ред

борьбе, борьбе не на жизнь, а на смерть, между пролетариатом и буржуазией, между теми, что трудятся, и теми, что захватывают продукты их труда. Маркс описал нам фазисы этой борьбы и указал ее неизбежный исход. Он стал на сторону угнетенных, он призвал их к организации, к международному единению. И пролетарии массами ответили на этот призыв. Не прошло еще пятидесяти лет с той поры, как раздались великие слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а красное знамя международного социализма гордо развевается уже во всех странах, захваченных капиталистической системой. И с каждым днем движение приобретает все большую силу, с каждым днем темп его ускоряется, с каждым днем борьба все более ожесточается.

Будем же готовы, ибо близок день решительной битвы!

II

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ КРИЗИСЕ В ШКОЛЕ МАРКСА ¹⁾

(КОНСПЕКТ ЛЕКЦИИ ПРОТИВ БЕРНШТЕЙНА И К. ШМИДА)

Гражданки и граждане!

Социалисты наших дней отличаются особым даром внушать от времени до времени чувства радости и надежды той самой буржуазии, которая обычно и с полным основанием считает их своими смертельными врагами. Чем объясняется это странное явление? Оно объясняется так называемыми расколами в лагере социалистов. Так, семь или восемь лет тому назад германская буржуазия радовалась по поводу того, что тогда называли раздорами между молодыми и старыми и социал-демократами. В «молодых» она усматривала противоядие против «старых» и она надеялась, что, с помощью бога и полиции, «молодые» нейтрализуют «стариков» и она легко овладеет полем битвы и заставит замолчать как «стариков», так и «молодых».

Теперь буржуазия радуется по поводу полемики, вызванной некоторыми статьями Эдуарда Бернштейна в «Neue Zeit» и Конрада Шмидта в «Vorwärts». Идеологи буржуазии прославляют этих двух писателей как разумных и мужественных людей, которые поняли ложность социалистического учения и не поколебались отречься от него. Так, профессор Юлиус Вольф, довольно известный покровитель социалистов, пытается в ряде статей, озаглавленных «Illusionisten und Realisten in der Nationaleconomie» и печатающихся в «Zeitschrift für Sozial-

¹⁾ В архиве Г. В. Плеханова, как сообщила его вдова, Р. М. Плеханова, имеется письмо Ю. Лагарделля от 19 октября 1901 года, в котором последний просит Плеханова дать статью для готовившегося к выходу нового журнала «Mouvement socialiste» (журнал этот только через несколько лет стал органом синдикалистского направления). Со своей стороны, Лагарделль предлагал, в случае согласия Плеханова, первую статью написать на тему «Y a-t-il une crise dans le marxisme?» (Существует ли кризис в марксизме?). Является ли предлагаемый конспект одновременно черновиком для статьи и конспектом для лекции? Во всяком случае в «Mouvement socialiste» статьи Плеханова на такую тему не появлялись, и Р. М. Плеханова не помнит, чтобы он читал на эту тему доклад. Она предполагает, что обострение болезни помешало ему обработать этот черновик для печати.

Черновик написан по-французски и печатается у нас в переводе. — П р и м. р е д.

